

Kieran Setiya

LIFE IS HARD

How Philosophy
Can Help Us Find
Our Way

Riverhead Books

Киран Сетия

ЖИЗНЬ ЖЕСТЧЕ

Как *философия* помогает
не отчаиваться в трудные
времена

Перевод с английского
Максима Шера

Individuum
Москва, 2024

УДК 12
ББК 87.52
С33

Published by arrangement with
Elyse Cheney Literary Associates LLC
и The Van Lear Agency LLC

С33 **Сетия, Киран.**
Жизнь жестче. Как философия помогает не отчаиваться в трудные
времена / Киран Сетия ; [пер. с англ. М. Шера]. — М.: Individuum, 2024. —
256 с.

ISBN 978-5-907696-24-2

Если вам нелегко – вы в этом не одиноки. В книге «Жизнь жестче» американский философ Киран Сетия на личных примерах рассказывает, как мы сталкиваемся с физической болью, горем из-за утраты близких, ощущением, что каждый день происходит худшее, и ничего не изменишь. Но отчаиваться не стоит. Призывая на помощь Аристотеля и Канта, Теодора Адорно и Симону Вейль, а также внушительный корпус мировой литературы, искусства и науки, Сетия размышляет, каким образом древние и современные ритуалы помогают справиться со скорбью, как спортивные менеджеры и князь Мышкин могут отучить оценивать себя в категориях успеха и почему смысл работать и творить есть всегда, даже если мы обречены на вымирание. Книга Сетии – хорошее подспорье для тех, кто ищет способы жить достойно в несовершенном мире.

УДК 12
ББК 87.52

ISBN 978-5-907696-24-2

Copyright © 2022 Kieran Setiya
© М. Шер, перевод с английского, 2024
© ООО «Индивидуум Принт», 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	9
<i>Введение</i>	13
Глава первая. Нemoцъ	27
Глава вторая. Oдиoчeствo	57
Глава третья. Гoрe	83
Глава четвертая. Нeудачи	III
Глава пятая. Нeсправeдливoсть	143
Глава шeстая. Бeссмыслeннoсть	175
Глава сeдьмaя. Нaдeждa	199
<i>Блaгoдaрнoсти</i>	213
<i>Примeчaния</i>	215

Ты напоминаешь мне человека, который смотрит в наглухо закрытое окно и удивляется странным движениям прохожего. Он не знает, что на улице бушует ураган и что прохожий с огромным трудом удерживается на ногах¹.

Людвиг Витгенштейн

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книгу, которую вы держите в руках, я задумал еще до пандемии ковида и написал в приступе сосредоточенности за полтора года, сев за нее летом 2020-го, когда мир вокруг меня рушился. Я философ — пишу о том, как жить, и жизненные испытания показались мне тогда настолько значимыми, что захотелось их засвидетельствовать.

С возрастом мое отношение к бедствиям и невзгодам изменилось. Сегодня они бьют наотмашь все сильнее — и в моей жизни, и в жизни близких мне людей. Тяжесть утрат, рак, хроническая боль — все это меняет взгляд на мир. В молодости я был беспечнее. В качестве эпиграфа мне показалось уместным взять слова философа Людвиг Витгенштейна, сказанные им сестре Гермине; они напоминают нам о том, что люди часто страдают так, что со стороны не видно. Жизненные тяготы принято скрывать.

Мои взаимоотношения с философией тоже изменились. В подростковом возрасте мне нравились абстрактные теории метафизиков, вскрывающие базовые структуры сознания и мира. Философия стала для меня средством побега от обыденной жизни. Я по-прежнему очень люблю философию, даже в самых заумных ее формах, и готов защищать эти формы перед кем угодно. Общество, не желающее изучать вопросы реальности и нашего места в ней, в том числе и те, на которые не может ответить наука, убого.

Но философия — это все же нечто большее. Изучать эту дисциплину — значит овладеть искусством дискуссии, разбирать и аргументированно решать трудноразрешимые задачи. Именно этому я учился в университете, именно это я много лет со всей ответственностью преподавал. И, тем не менее, теперь мне нужна такая философия, которая могла бы говорить о жизни на более сокровенном уровне. Когда я сдавал квалификационные экзамены в магистратуре, заключение экзаменаторов оказалось в целом положительным, но я забыл все приятные слова и помню сейчас только одну критическую фразу: мои идеи, мол, не были «проверены в горниле непосредственного морального опыта». Мы с друзьями посмеялись тогда над этим замечанием, но мне оно запомнилось на всю жизнь. Дело было не столько в том, что опыт опроверг мои скороспелые теории, сколько в том, что эти теории были слишком от него далеки.

Как выглядела бы философия, «проверенная в горниле непосредственного морального опыта»? Вопрос пугающий. Ни у кого нет достаточно широкого или глубокого опыта, чтобы говорить за всех и каждого. Наш взгляд всегда ограничен, уникальным образом искажен, содержит слепые пятна. Но ведь могла бы быть и философия, говорящая как бы из чьей-то жизни, даже если она опиралась бы на аргументы и мысленные эксперименты, философские теории и разли-

чения. Она стерла бы границы между аргументационным и личным эссе, между философией как дисциплиной и жизненным опытом человека, считающего философию подручным инструментом, с помощью которого можно справиться с жизненными неурядицами. Так мы бы вернулись к первоначальному значению слова «философия» — любовь к мудрости — и к философствованию как образу жизни.

В этом ключе я и написал эту книгу на фоне наступившего смутного времени.

ВВЕДЕНИЕ

Жизнь тяжела, друзья — и об этом надо прямо говорить¹, — для кого-то больше, для кого-то меньше. В жизни каждого идет свой дождь*, но пока счастливики сушат вещи у огня, тех, кому повезло меньше, захлестывают шторма и наводнения — в прямом и переносном смысле. Мы разгребаем последствия глобальной пандемии и живем на фоне массовой безработицы, нарастающей климатической катастрофы и возрождения фашизма. Эти бедствия гораздо сильнее ударят по бедным, уязвимым и угнетенным.

Самому мне в целом повезло. Я вырос в Халле — промышленном городе на северо-востоке Англии, который знавал, конечно, времена и получше. В детстве я хлебнул свою долю

* Into each life, some rain must fall — слова из одноименной песни в исполнении Билла Кенни и Эллы Фицджеральд, записанной в 1944 году. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

горестей и напастей, но влюбился в философию, отучился в Кембридже, потом поехал в магистратуру в Штаты и там остался². Я преподаю философию в Массачусетском технологическом институте, находясь под защитой достатка и стабильности, которые дает это знаменитое, хоть и эксцентричное учебное заведение. У меня есть дом, я счастливо женат, наше чадо мудрее и смелее меня. Я никогда не голодал, не оставался без крыши над головой, не становился жертвой насилия или войны. Тем не менее, никто в конечном итоге не может чувствовать себя защищенным от болезней, одиночества, горя и неудач.

С двадцати семи лет я испытываю хроническую боль — постоянную, изменчивую, странную, — непрерывный «гул» сенсорного раздражения. Из-за нее мне бывает тяжело сосредоточиться, а иногда невозможно заснуть. Поскольку боль невидима, мое состояние вгоняет меня в полную изоляцию: о нем никто не знает. (В первой главе все вам о ней расскажу). В тридцать пять я пережил ранний кризис среднего возраста³. Жизнь стала казаться рутинной, пустой, повтором одного и того же — чередой достижений и неудач, которая, протянувшись в будущее, приведет к увяданию и смерти. Восемь лет назад у моей мамы диагностировали раннюю стадию болезни Альцгеймера. Какое-то время память у нее еще кое-как работала, затем наступил резкий провал. И вот я уже скорблю по ней, хотя она еще жива.

Оглядываясь вокруг, я вижу страдания колоссальных масштабов. Пока я писал эти строки, миллионы сидели на карантине из-за ковида — в одиночестве и отчаянии. Многие лишились работы и денег на самое необходимое. Близкие болели и умирали, настоящая эпидемия горя захлестнула человечество. Усугубилось неравенство, демократия обнаружила свою хрупкость⁴. Грядет новая буря, ведь мы не обращаем внимания на сигналы тревоги о глобальном потеплении.

Что же делать?

Человеческое существование не лечится, но после двадцати лет преподавания и изучения моральной философии я уверен, что она — философия — может помочь. В этой книге я объясню, как именно.

Несмотря на название, предмет «моральной философии» намного шире понятия морального долга. Как писал Платон в своем «Государстве» примерно в 375 году до н.э., «...ведь речь идет не о чем попало, а о том, каким образом надо жить»⁵. Предмет моральной философии обширен, он затрагивает все, что имеет значение в жизни. Философы задаются вопросами, что приносит нам пользу, какие устремления следует поощрять, какие добродетели культивировать и какими восхищаться. Они наставляют, приводят аргументы, формулируют теории, в соответствии с которыми следует жить. Есть в этом и академическая составляющая: философы изучают абстрактные вопросы и оспаривают взгляды друг друга. Они занимаются мысленными экспериментами, позволяющими по-новому взглянуть на привычное. Но у моральной философии есть и практическая цель. На протяжении большей части истории не существовало четкого различия между философской этикой и «саморазвитием» (self-help)⁶. Предполагалось, что как раз философские размышления о том, как жить, должны сделать нашу жизнь лучше.

Согласен с каждым словом. Но стремление жить хорошо часто выливалось в донкихотские планы по построению идеальной жизни. В платоновском «Государстве» справедливость воображается посредством утопического города-государства, а не борьбы с несправедливостью здесь и сейчас. В «Никомаховой этике» ученик Платона Аристотель стремится к высшему благу — *эвдемонии*, то есть не просто к «нормальной» жизни, а к такой, которую надлежало бы выбрать, если бы можно было выбирать любую жизнь в принципе⁷. Аристо-

тель считал, что мы должны подражать богам: «[Н]е нужно [следовать] увещаниям „человеку разуметь человеческое“ и „смертному — смертное“, напротив, насколько возможно, надо возвышаться до бессмертия и делать все ради жизни, соответствующей наивысшему в самом себе»⁸. Его ответ на вопрос, как жить, есть видение жизни без изъянов и человеческой нужды: если угодно, это его версия рая.

За редким исключением даже те, кто видит свою цель немного скромнее, склонны теоретизировать о хорошей жизни, а не о плохой⁹. В центре их внимания — удовольствие, а не боль, любовь, а не утрата, достижение, а не крах. Не так давно философ Шелли Каган придумал термин *ill-being* («неблагополучие»): им он обозначил «элементы, из которых непосредственно состоит неудачно складывающаяся жизнь»¹⁰. По его наблюдениям, «обычно в дискуссиях о благополучии (*well-being*) неблагополучие (*ill-being*) просто игнорируют». Здесь мы видим явное пристрастие к «силе позитивного мышления»¹¹, как бы умоляющего нас не заикливаться на трудностях и лишениях, а мечтать о жизни, которую мы [для себя] хотим. Даже древние стоики — философы, явно озабоченные тем, как переносить жизненные трудности — были настроены на удивление оптимистично. Они считали, что мы можем прекрасно жить и работать независимо от обстоятельств и что наше благополучие зависит только от нас самих¹². Согласно каждой из этих концепций стремление к благу способно вытеснить тяготы из нашей жизни.

Основная мысль этой книги заключается в том, что весь этот подход ошибочен. Мы не должны отворачиваться от трудностей, пытаясь добиться идеала, который часто оказывается недостижимым. Стремление к нему приносит только разочарование.

Такое отношение может показаться вам порочным или пессимистичным. Однако чтобы проявлять стойкость, нам

не нужно «жить на полную катушку», нужно уметь смотреть фактам в лицо. Вы наверняка с таким сталкивались: вы рассказываете другу или подруге о проблеме, с которой пытаетесь справиться, например, о скандале на работе, разладе в близких отношениях или опасном диагнозе, который выбил вас из колеи. В ответ вас пытаются быстро ободрить: «Не переживай, все будет хорошо!» или хотят дать совет. Но такая реакция не приносит утешения. Наоборот, вы воспринимаете ее как отказ признать серьезность ситуации, в которой вы оказались. В такие моменты мы начинаем понимать, что попытки приободрить или дать совет могут быть формой отрицания реальности.

Еще хуже — стремление оправдать человеческое страдание. «У всего, что происходит, есть какая-то причина». Вообще-то нет. У философов есть понятие «теодицея», которым они называют аргумент, оправдывающий божий промысел в отношении человека. В теодицеях рассматривается проблема зла: если Бог всемогущ и всеблаг, чем объяснить многообразие зла в мире? Но теодицея давно живет своей жизнью — за пределами узко теистических или доктринальных контекстов¹³. Независимо от того, религиозны мы или нет, мы затрагиваем проблему зла всякий раз, когда протестуем против того, чего не должно быть, и прибегаем к своеобразной теодицее, когда говорим, что всё к лучшему.

Проблема теодицеи носит не только интеллектуальный — ни один из аргументов не работает — но и этический характер. Неправильно оправдывать собственные или чужие страдания, чтобы заглушить таким образом жалость или протест. Такова мораль самой знаменитой из всех теодицей. В Книге Иова ангел-обвинитель (Сатана) призывает Бога испытать «человека совершенно честного»¹⁴ — убить его сыновей и дочерей, уничтожить имущество, покрыть кожу злыми язвами «от подошвы ноги его и по самое темя его». Все, что ему

останется, — черепок, чтобы соскабливать с себя гной, сидя в пепле. Друзья Иова настаивают, что он заслужил свою судьбу — в наказание за какой-то неведомый тяжкий грех. Бог их осуждает «за то, что говорили [о Нем] не так верно»¹⁵. Тем временем Иов настаивает на своей невиновности. Хотя книга заканчивается тем, что можно счесть искуплением — Бог возвращает Иову вдвое больше имущества, чем у него было, — «четырнадцать тысяч мелкого скота, шесть тысяч верблюдов, тысячу пар волов и тысячу ослиц», дает ему семерых новых сыновей и трех дочерей, — теодицея не работает. Представить себе, чтобы «дубликаты» смогли искупить потерю первых детей Иова, — это издевательство.

Из Книги Иова мы должны вынести не то, что добродетель в конце концов вознаграждается, а то, что друзья Иова были неправы, оправдывая его страдания, и что именно Иов сказал правду: мы не заслуживаем того, чтобы страдать так, как страдаем. Я не говорю, что Бога нет, хотя сам я в него не верю. Я говорю, что если существование Бога можно сопоставить с постоянством и всеохватностью тягот в жизни человека, такое сопоставление не должно смягчать или отрицать наше гневное сострадание — к себе и другим.

Итак, мы наследники традиции, которая призывает нас сосредоточиться на всем самом хорошем в жизни, но при этом мы с болью осознаем, насколько жизнь тяжела. Открыть глаза значит встретиться лицом к лицу со страданием — немощью, одиночеством, горем, неудачами, несправедливостью, бессмысленностью жизни. Нельзя сморгнуть, наоборот, нужно посмотреть ближе. В наших скорбях мы нуждаемся в признании.

Именно в этом — импульс, легший в основу этой книги. Это карта, с помощью которой я маневрирую по пересеченной местности, учебник тягот и лишений — от личных травм до несправедливости и бессмысленности окружающего мира.

В разных главах книги я выдвигаю разные аргументы, иногда привожу изъяны в идеях философов прошлого. Но размышления, которые в них содержатся, в равной мере относятся и к самим напастьям, и к спорам вокруг них. Цитируя писательницу и мыслительницу Айрис Мёрдок: «Я могу выбирать только в рамках того мира, который в состоянии *видеть*, в нравственном смысле глагола „видеть“, зависящего от нравственного воображения и нравственного усилия»¹⁶. Именно описание мира, а не аргументы ориентирует нас в жизни, говорит нам, что чувствовать и что делать. Чтобы описать то, что есть на самом деле, нужно потрудиться. Здесь философия непрерывно взаимодействует с литературой, историей, наукой, кино. Я буду опираться на все, что у меня есть.

Я уже говорил, что моральная философия и «саморазвитие» (self-help) давно переплелись. Книга, которую вы держите в руках, в чем-то обязана именно такому развитию событий. Размышление об изъянах человеческого существования может смягчить их последствия и помочь нам жить более осмысленной жизнью. Однако эту книгу нельзя отнести к категории литературы по саморазвитию, если таковой считать «пять советов, как справиться с тоской» или «как добиться успеха, даже не пытаясь». Это не практическое применение отвлеченной теории или учения какого-то почившего философа, чтобы справиться с жизненными трудностями. Никаких танцев с бубном, никаких сиюминутных средств, только терпеливая работа утешения. У поэта Роберта Фроста есть строчка о человеческом страдании: «лучший выход всегда насквозь»¹⁷.

Путь нам будут освещать две сокровенные мысли. Первая — что жить счастливо — не то же самое, что жить хорошо. Если хочешь быть счастливым, терзания из-за трудностей могут быть полезными, а могут и не быть. Но простое счастье не должно быть самоцелью. Счастье — это настроение

или чувство, субъективное состояние; можно быть счастливым, живя во лжи. Представим ничего не подозревающую девушку Майю: ее погрузили в питательную жидкость, подключили к мозгу электроды, по которым каждый день подается поток сознания, имитирующий идеальную жизнь¹⁸. Майя счастлива, но ее жизнь складывается не лучшим образом. Она не делает почти ничего из того, что, как ей кажется, она делает, не знает почти ничего из того, что, как ей кажется, она знает, и не взаимодействует ни с кем и ни с чем, кроме соответствующего аппарата. Такой судьбы любимому человеку не пожелаешь: лежать взаперти в ванне, в полном одиночестве, да еще и обманутой.

Истина в том, что мы должны стремиться не к счастью, а к тому, чтобы жить как можно лучше. Как заметил философ Фридрих Ницше, «[ч]еловек стремится не к счастью; только англичанин делает это»¹⁹ — укол в адрес Джереми Бентама, Джона Стюарта Милля и других мыслителей, ставивших во главу угла не боль, а удовольствие. Я не хочу сказать, что мы должны стремиться к тому, чтобы быть несчастными или равнодушными к счастью, но в жизни есть нечто большее, чем субъективные ощущения от нее. Наша задача — принимать тяготы жизни как подобает, и истина здесь — единственный метод. Нам приходится жить в том мире, какой он есть, а не в том, каким нам хотелось бы его видеть.

Вторая мысль-ориентир заключается в том, что, живя хорошо, мы не можем отделить справедливость от собственных интересов или отделить себя от других. По ходу книги выяснится, что и самые сокровенные переживания — о собственных страданиях, одиночестве, разочарованиях — неявно носят нравственный характер. Они неразрывно связаны с состраданием, ценностью человеческой жизни, с идеологиями краха и успеха, затушевывающими несправедливость. Честное